

Ярослав Гашек

жизнь и творчество

Литературная слава Гашека на родине и за границей

Литературная слава Ярослава Гашека является в полном смысле слова посмертной славой. Она пришла и установилась лишь спустя несколько лет после его смерти — на чужбине, прежде всего в Германии и Советском Союзе. Правда, у чешских народных масс «Швейк» очень быстро приобрел необычайную популярность и вошел как нарицательное имя в народный словарь. Но официальная, «руководящая» клика маститых литераторов не признала «Швейка» литературой и долгое время просто игнорировала его. И редактор «Собрания сочинений» Гашека, Антон Доленский, должен признать в своем послесловии к первой серии (16 томов):

«Тогда как официальная критика отделяется от Гашека несколькими строками, он завоевывает сердце читателей своим «Швейком» и, благодаря переводам, приобретает популярность и за границей, где критика лучше поняла значение таланта Гашека».

Буржуазные патриоты объявили Гашека вместе с его «Швейком» вне закона как развратителя народа, который подрывает авторитет «авторитетов» и боеспособность нации. Существует даже приказ высшего военного командования, воспрещающий солдатам чтение «Швейка». В высшем официальном семейном совете чешской нации Гашек считался блудным сыном, о котором лучше не говорить.

Откуда такое отношение «верхушки» нации к одному из знаменитейших ее «сынов»? Корни его в том, что чешская буржуазия — империалистическая выскочка. Создание чешской буржуазной республики разом изменило положение чешской буржуазии. В старой Австрии она была буржуазным классом, борющимся с господствовавшей немецкой буржуазией за место под солнцем торгового и денежного рынка. Теперь она вошла в ряды господствующей буржуазии, политические представители которой сидят в совете высших, управляющих миром сил. Надо было приспособить самих себя, государство и нацию к этому блеску, к преддверительству перед большим светом и по возможности заставить забыть, что прежде приходилось питаться об'едками с хозяйского стола.

Литература также должна была представлять: остроумничание и блеф братьев Чапек — это уже было кое-что, но «Швейк»?!. Как можно им щеголять в изысканных кругах Парижа и Лондона? И можно ли воспитать нацию для осуществления ее империалистической миссии на «Швейке», который поднимает на смех всякое уважение к милитаризму?

Нет, именно потому, что чешский «большой свет» был так нов и чувствовал нетвердую почву под ногами, — он не мог терпеть какого-то Гашека с его «Швейком». И сегодня, когда его уже постиг маразм всего капиталистического мира, сегодня он еще чувствительнее, и красный карандаш его прокуроров и цензоров должен неистовствовать над произведениями чешских классиков национального освободительного движения шестидесятих годов и даже самого Масарика. Ярослав Гашек полностью испытал всю горечь официального осуждения. Но он обошелся без официального признания литературным «миром» и нашел величайшее удовлетворение в том, что чешский народ принял «Швейка». И триумфом популярности он наслаждался по-своему. Его друзья рассказывают, что счастлив был Гашек, когда он однажды услышал, как в пражском пролетарском квартале Жижков уличный мальчуган злобно зарычал на другого: «Да ты туп как Швейк!»

Туманная личность

В последние годы о Гашеке много писали и еще больше рассказывали, но даже на чешском языке еще не существует обстоятельной литературно-критической оценки его жизни и произведений. Его жизнь, так же как его произведения, являются причиной того, что в очень скудной литературе о Гашеке преобладает анекдот, а вместе с ним и вымысел. Но именно потому, что Гашек большой, гениальный юморист, подлинные анекдоты о нем так своеобразны, что их трудно передать, не искажая. Поэтому, например, «Пятьдесят случаев из жизни Ярослава Гашека» (Прага, 1923), изданные В. Баучуковой, дают лишь бледное представление о манере Гашека. Анекдоты из жизни такого юмориста, даже если они хорошо рассказаны, всегда дают искаженный образ; Гашек разделяет судьбу всех крупных юмористов — его жизнь была не юмористическим рассказом, а в большей своей части трагедией.

В упомянутой книжке заслуживает внимания введение Ивана Ольбрахта. Много интересного содержит книжка чешского журналиста и литератора Ладислава Гайека — «Из воспоминаний о Ярославе Гашеке» (Прага, 1925). Гайек был другом юности Гашека еще во времена студенчества, и он дает богатый материал о его жизни и творчестве. Столь же занимательно требует осторожного подхода книга воспоминаний, выпущенная чешским художником, поэтом, актером и драматургом — Лонгеном: «Ярослав Гашек» (Прага, 1928). В ней главным образом уделено место Гашеку как представителю богемы.

Лонген был первым режиссером, поставившим «Швейка» на сцене. Он напоминает Гашека тем, что так же охотно смешивает

вымысел и правду. «Воспоминания» сыщика пражской политической полиции, в которых он освещает довоенную жизнь Гашека, недурно пересказаны и придуманы. Более достойно доверяю то, что он пишет о последних годах жизни Гашека, ибо в этот период он многое видел сам, да и другие авторы точно так же описывают эту последнюю главу жизни Гашека. Хорошим приложением является несколько оригинальных карикатур Лонгена.

Но лучшей книгой воспоминаний является книга обоих первых сотрудников Гашека при издании «Швейка» — Франта Зауера и Ивана

Суха — «Памяті Ярослава Гашека» (Прага, 1924). Эта книга является наиболее ценнейшим материалом о жизни и произведениях Гашека и написана с большим и любовным пониманием своеобразия творца «Швейка». Интерес, проявляемый к творцу «Швейка» прежде всего в Германии и в Советском Союзе, оправдывает попытку дать очерк его жизни.

В 1883 году в семье. Его отец был учителем математики в гимназии.

изданий «Швейка» — Франта Зауера и Ивана Суха — «Памяті Ярослава Гашека» (Прага, 1924). Эта книга является несколькими оригинальными карикатурами Лонгена.

Но лучшей книгой воспоминаний является «Памяті Ярослава Гашека» в реальном училище и одновременно работал в конторе по страхованию жизни. Его дед — политический деятель — был членом австрийского революционного рейхстага в 1848 году.

В 1896 году отец Гашека умер. Мать должна была заняться шитьем, чтобы Ярослав и его младшие братья могли учиться. Но Ярослав с трудом окончил младшие классы гимназии. Его дальнейшим «гуманитарным штудиям» по своему и прав и не прав.

Первые политические бури

правом, — ведется ныне спор, как между многими городами, которые хотели быть родиной Гомера; каждый утверждает, что он был единственно верен. Даже первоисточник — собственные устные и письменные сообщения Гашека — не вполне правдивы. Гашек лгал и преувеличивал очень охотно; он всегда сочинял, когда рассказывал что-нибудь о себе. Его приятелями обычно были люди, которым юмористическое преувеличение было больше по душе, чем истина. Трезвость была в кругу Гашека вообще редкостью. Таким образом и второй источник — рассказы о Гашеке — не вполне заслуживают доверия. Период до войны в особен-

В 1896 году отец Гашека умер. Мать должна была заняться шитьем, чтобы Ярослав и его младшие братья могли учиться. Но Ярослав с трудом окончил младшие классы гимназии. Его дальнейшим «гуманитарным штудиям» положила конец склонность к деятельному радикализму.

Осень 1897 года была бурным временем для Австрии и главным образом для Богемии. Постановления премьер-министра Бадени об «официальном языке» судопроизводства, благоприятные для чехов, разожгли немецкий шовинизм, и чехи отвечали тем же. В Праге немецкие бурши провели свою известную «демон-

страцию» в корпорантских шапочках и повязках. Дошло до погромов, полицейских налетов и осадного положения. Четырнадцатилетний гимназист Гашек принял живое участие в избивании немецких корпорантов и в битье стекол. На одной из демонстраций Гашек был арестован. Его уверениям, что камни в его кармане собраны им для минералогической коллекции профессора естественной истории, не поверили, и следствием этого первого «политического выступления» было исключение из школы. Ему еще «повезло», так как он был арестован перед самым объявлением осадного положения. Он послал своей матери (так он по крайней мере

послал своей матери (так он по крайней мере и следствием этого первого «политического выступления» было исключение из школы. Ему еще «повезло», так как он был арестован перед

и следствием этого первого «политического выступления» было исключение из школы. Ему еще «повезло», так как он был арестован перед отлично занимался и, как говорят об учениках, «отличался хорошим поведением».

В то время он был полон революционно-панславистских мечтаний. Он изучал русский и сербский языки, охотно носил черную сербскую шапочку. Он принимал участие во всех уличных демонстрациях, направленных против Австрии и немцев, часто бывал арестован, но всегда умел выпутаться.

летнего слушателя Торговой академии так кудрым, растрепанным юношей, с розовыми щеками, добродушным, тихим, пушистым носом.

Демонстранты с воодушевлением приветствовали это «красное знамя», а полиция, разумеется, «приняла необходимые меры». Учитель моих похорон еще не установлен». Благодаря содействию дяди и опекуна, выгнанный гимназист был теперь отдан в учение к одному пражскому дрозисту. Годам этого учения мы обязаны одним из лучших рассказов Гашека: «Из старой москательни», превосходное изображение жизни мелких пражских торговцев. Но деловая карьера Гашека кончилась скорее, чем гимназическая. Причиной опять была политика и неизбежная полиция. В 1900 году, во время большой забастовки и сербской революции, Гашек за- и сербский языки, охотно носил черную сербскую шапочку. Он принимал участие во всех уличных демонстрациях, направленных против Австрии и немцев, часто бывал арестован, но всегда умел выпутаться.

Первые литературные искания

Начало бродячей жизни и литературной деятельности Гашека падает на время учения в Торговой академии. Уже тогда он был не прочь выкинуть плутовскую проделку.

Во время своих странствий он любил пользоваться гостеприимством сельских священников. Во многих местах Словакии одновременно живут католический и протестантский священники. Гашек стремился воспользоваться обоими и рассказывал каждому попу, что его конкурент отказал ему в гостеприимстве. Это обеспечивало ему самый лучший прием; каждый хотел показать, насколько он лучше своего собрата, принадлежащего к другому вероисповеданию. Эти странствия дали Гашеку материал для первых литературных опытов.

Их можно датировать приблизительно 1900-м годом. Гашек писал маленькие очерки и рассказы. Они еще очень безобидны, но не лишены литературной ценности, и печатались в солидных буржуазных журналах. Этими успехами восемнадцатилетний ученик обязан отчасти профессору академии Ф. А. Юнгу, который возлагал большие надежды на Гашека и говорил, что у него есть данные стать чешским Марком Твенем.

В 1903 году Гашек вместе с Гайеком выпустил небольшой томик стихов «Крики в мае». Это были пародии на чувствительную весеннюю и любовную лирику.

Внешний вид книжечки, заглавия, ритм и начальные строки стихов были сделаны в духе ходячей весенней лирики, пользовавшейся успехом у sentimentalных юношей и мещан того времени. Гашек привлекает любителей sentimentalной «социальной» поэзии стихотворением в этом жанре о бедных рудокопах, работающих в глубине темного рудника и вспоминающих о фиалках, ручейках и птичках на земле. Но за sentimentalным весенним началом стихотворения следовали совсем иные вещи. Гашек начинает одно стихотворение цветением вишен и кончает его любовным походом попа.

Гашек контрабандой протаскивает в весеннюю поэзию и антимиитаристское стихотворение. Не удивительно, что большинство разочарованных покупателей этого томика стихов чувствовали себя одураченными.

Богема и бродяжничество

К этому времени Гашек уже кончил Торговую академию и состоял страховым агентом в той же конторе, в которой работал его отец. Но он там выдержал недолго. Неутомимая потребность странствовать победила чиновника. Гашек закончил свою карьеру весьма своеобразно. Однажды он не пришел больше в бюро, не пришел и домой к любимой матери, которая в этот день обещала ему дожарить почки, накануне оказавшиеся жестковатыми. В течение месяцев о Гашеке ничего не было известно. Внезапно он приходит к матери и с добродушной, невиннейшей улыбкой говорит: «Здравствуй, мать, ну что же, почки уже стали мягкими?»

Где Гашек был? Он прошел через Венгрию на Балканы, вплоть до Македонии, пытался даже примкнуть там к какой-нибудь банде. Затем он вернулся опять в Галицию, где сделал первую попытку пробраться в Россию; но пограничники прогнали его обратно. Об этом последнем приключении Гашек рассказывает в «Прогулке через границу».

IN MEMORIAM

JAROSLAVA HASKA

Титульный лист сборника воспоминаний «Памяти Ярослава Гашека», вышедшего в Праге.

Так началась для Гашека беспокойная и непостоянная, бродячая жизнь, в которой существовало только одно место, куда он неизменно возвращался: его возлюбленная Прага. И только в Праге издатели предоставляли ему авансы за литературную работу, которую он исполнял очень неаккуратно. О постоянном занятии для него не могло быть и речи: все попытки ни к чему не приводили. В 1905 году Гашек был в редакции и правлении анархистского журнала «Омладина» («Новая юность»).

Там, в северо-западном угольном районе Богемии, был центр анархистского движения старой Австрии. Гашек работал также и в редакции анархистской «Коммуны». Но на следующий же год он снова снялся с места и исчез. Он добрался до Нюрнберга, где работал в качестве сборщика хмеля. Домой он вернулся как настоящий бродяга: по этапу.

В 1908 году он нашел службу в известном зоологическом журнале «Животный мир». Там он первое время работал хорошо и вполне удовлетворял своего издателя. Но шутовство, жившее в Гашеке, не давало ему покоя. Вскоре он начал так редактировать серьезный журнал, что, по собственному выражению, «оклеветал животный мир». Наука и действительный мир животных наскучили ему, и он начал изобретать истории из жизни животных, а потом и новых животных, которым он приписывал фантастические образы и свойства. Так, он изобрел доисторическую муху с шестнадцатью крыльями. Все эти истории он умел делать правдоподобными при помощи еще более смело изобретенных изречений «научных автори-

тетов». Только с Гашеком могло случиться, что он не вылетел из редакции сразу, после первой же проделки. В конце концов ему все же пришлось уйти, иначе серьезный журнал превратился бы в юмористический. В рассказе «Странное животное» он описывает эту свою деятельность.

Так же скоро закончилась в 1910 году деятельность Гашека как местного репортера в «Чешском слове», центральном органе национал-социалистической партии. И здесь действительные пражские события не удовлетворяли стремлений Гашека к подвигам, и он время от времени изобретал неправдоподобные происшествия, чтобы сделать местную хронику газеты интересней. Но редакция была не согласна с такого рода «оформлением» местного отдела; а так как, кроме того, между Гашеком и лидерами национал-социалистической партии обнаружилось политическое разногласие, — он быстро ушел и из этой редакции. Рассказывают еще об одном эпизоде из жизни Гашека в качестве редактора социал-демократического профсоюзного листка «Переплетное дело», который закончился подобным же образом: Гашек будто бы опубликовал в этом листке статью, в которой предостерегал от употребления переплетенных книг, так как переплетный клей содержит бактерии, вредные для здоровья.

Попытка одного из друзей Гашека устроить его редактором одного мещанского листка в Подсбраде (Богемия) закончилась неудачей. На заседании издательского комитета, который должен был решить вопрос о приеме Гашека на службу, его охватило желание почтуть над этими простоватыми провинциальными мещанами, и он произнес такую злобную речь об юмористическом оформлении листка, что пришедшие в ужас филистеры поспешили от него отделаться.

От политической страсти к политическому дурачеству

Гашек был страстным политиком, человеком в высшей степени восприимчивым политически и социально, но он был только легко воспламеняющимся энтузиастом, который быстро воодушевлялся какой-нибудь идеей и так же быстро охладевает. Чешский национализм привлекал его борьбой против Австрии и господствующей немецкой буржуазии, против государства и властей, т. е. тем, что в нем казалось Гашеку революционным.

Но Гашек не вынес сближения национал-социалистов с младочехами, партией чешской буржуазии. Чешская социал-демократия тоже не могла долго нравиться ему, так как она двигалась по наклонной плоскости политического и национального реформизма к австрофильской политике. Ближе всего Гашек склонялся к анархистам. Он посещал анархистские доклады и вращался в обществе сотрудников анархистской газеты «Современная жизнь» и в литературном кружке «Сиринкс». Здесь его ближайшим другом стал поэт Г. Р. Опоченский (теперешний издатель его «Собрания сочинений»). Здесь же он познакомился с художником Иосифом Лада, который стал иллюстра-

тором произведений Гашека. Как уже сказано, в 1905—1906 годах он был деятельным участником анархистского движения.

О политической жизни Гашека верно пишет Франта Зауер: «Гашек был бродягой. Непосредственное чувство справедливости толкало его туда, где он видел бескорыстие, воодушевление, — от карьеризма он отшатывался».

Во время одной забастовки на собрании бастующих, куда он был послан оратором от партии, он сказал правду, что национал-социалистические главари уже предали забастовку. А какое меткое замечание бросил Гашек перед войною «реалистам» (партия Масарика), обсуждавшим «объективное урегулирование отношений чешского народа к Австрии»: «Вы кажетесь мне телятами и овцами, которые со всей ограниченностью беспомощных тварей стремятся установить реальные отношения с волками и другими хищниками». Это было возмущение честно-бунтующего мелкого буржуа против крупнобуржуазной политики в пользу восходящей чешской буржуазии.

Более глубокие причины политической неустойчивости Гашека, его шатания между отдельными партиями и направлениями мелкобуржуазного, полупролетарского, лево-радикального лагеря коренятся в его мелкобуржуазном характере, в его неспособности подняться до ясной, твердой политической идеологии. Эта неспособность имеет свои объективные корни. Чешское социалистическое рабочее движение (хотя оно и не моложе немецкого социалистического рабочего движения Богемии и старой Австрии) никогда не создавало школы, которая бы приближалась к революционному марксизму. Никогда не существовало хоть сколько-нибудь значительного чешского теоретика марксизма, и наиболее показателен тот факт, что чешская социал-демократия не сумела даже дать изображения в свете исторического материализма движения гусситов и таборитов — этих величайших революционных восстаний средневековья.

Мелкобуржуазное происхождение и воспитание Гашека, мелкобуржуазная среда, в которой он вращался, делали для него невозможным преодоление существа всего чешского лево-радикального политического движения. С другой стороны, он как поэт и юморист обладал слишком острым зрением, чтобы тотчас же не увидеть слабые места этих лево-радикальных социальных и политических течений и партий, как только он их узнавал ближе. Но так как он не мог понять причину слабости и живости мелкобуржуазного радикализма всех оттенков и не мог их преодолеть, то его страстной политической натуре не оставалось иного пути, как политическое дурачество.

И вот ознакомившись изнутри с тремя партиями — социал-демократов, национал-социалистов и анархистов — и отойдя от них всех, Гашек начал собственную политическую деятельность, которая состояла в том, чтобы потешаться над всей политикой, в первую очередь над всем австрийским, над кайзером и правительством, над всеми партиями. Это начинается с того «опровержения», которое он опубликовал по поводу своего вступления в редакцию национал-социалистического органа:

«Неверно, что, вступая в редакцию «Чешского слова», я должен был изменить свои политические убеждения; ибо только невежды не знают, что политическая линия у «Чешского слова» и у «Мира животных» одна и та же».

Его своеобразная политическая деятельность выражалась в том, что он при всех возможных случаях произносил юмористические речи, в которых высмеивал все партии и политиков, правительство, чиновников и власти. Раз он основал для этого даже политическое кабаре. Он не оставлял в покое и кайзера. Но он делал это так умело, в форме и тоне патриотических речей, что все слушатели понимали намешку, а полиция все-таки не могла придаться. Он участвовал во всех демонстрациях и политических побоищах, его часто арестовывали, но после допроса отпускали при общем весельи. Иногда ему все же приходилось «посидеть». В архиве пражской полиции на его «деле», по слухам, имелась отметка: «Безвредный субъект».

Во всяком случае австрийская полиция не видела в Гашеке революционера, который представлял бы опасность для государства.

Полиция и ее „безвредный субъект“

Лонген опубликовал в своей книге о Гашеке мнимые «Воспоминания бывшего пражского агента секретной полиции Винцента Шпанда», в которых смешаны небольшая доля правды, много правдоподобия и уйма вымысла. Во всяком случае, правда там сильно творчески приукрашена, а вымысел хорошо подделан. Лонген-Шпанда пишет там, между прочим, о Гашеке довоенного времени:

«Полицейское управление и все полицейские комиссариаты в Праге знают г-на Гашека так же хорошо, как фальшивый грош. Не проходит недели, чтобы мы не услышали чего-нибудь нового о его проделках. И полиция бессильна против г-на Гашека. Еще ни одному г-ну комиссару не удалось засадить этого г-на писателя на несколько месяцев, чтобы немного укротить его. При этом он главным образом берет на прицел стражников, нас (секретных) и высших полицейских чинов. Ему все сходит, и в конце концов на него никто не сердится».

В действительности же Гашек перед войной, как уже сказано, принужден был несколько раз «отсидеть».

Существует рассказ о том, как Гашек после начала войны «остановился» в пражской гостинице и как приезжий дал о себе такие сведения: «Лев Николаевич Тургенев, родился 3 ноября 1885 года в Киеве, направляется в Петербург, православный, на частной службе, прибыл прямо из Москвы» — или что-то в этом роде. Полиция быстро принялась «действовать» и столь же быстро оскандалилась. Надо думать, что это принадлежит к числу анекдотов, которые во множестве вариантов передавались самим Гашеком и его приятелями.

Когда Гашек был призван на военную службу, пражская полиция (как Лонген заставляет рассказывать Шпанду) облегченно вздохнула, надеясь, что его там несколько усмирят. Когда легионер Гашек попал в список подлежащих повешению государственных преступников, дело его считалось, разумеется, конченным.

Когда же он стал большевиком и красноармейцем, чехо-словацкая республиканская полиция (методы которой остались теми же, что у полиции его величества) решила, что не навсегда от него освободилась. Это предположение было единственным, которое — хотя и с некоторыми оговорками — в большей части осуществилось.

„Партия умеренного прогресса“

Самым блестящим моментом своеобразной политической деятельности Гашека перед войной было основание «Партии умеренного прогресса в рамках закона» и кандидатура Гашека в рейхстаг в 1911 году.

Политическое положение в то время — время вторых всеобщих выборов в австрийский парламент на основе всеобщего избирательного права — было словно создано для дурачества Гашека. Здесь обнаружилась несостоятельность тех иллюзорных надежд, которые (главным образом под влиянием социал-демократической реформистской политики) возлагались на всеобщее, равное избирательное право, как на средство «оздоровления» и «укрепления» Австрии и смягчения национальных противоречий. За четыре года иллюзий, связанных с избирательным правом, австрийская социал-демократия совершенно раскололась даже национально. В чешском лагере в то время одержала верх австрофильская политика «государственных людей». Чешская буржуазия в области промышленных и банковых операций вступила в конкуренцию с немецкой буржуазией на всем внутреннем австрийском рынке. Филиалы живностенского банка, пункта, концентрировавшего возрастающий чешский финансовый капитал, достигали Черновиц, Триеста и Сараева. Идеалом чешской буржуазии была великая, мощная Австрия при славянской гегемонии, прежде всего при ее гегемонии, твердой базой которой должно было стать ее господство в «странах богемской короны» (Богемия, Моравия, Силезия). «Младочехи» (ныне национал-демократы, партия чешской крупной буржуазии, во главе с Крамаржем) были черно-желтыми патриотами. Национал-социалисты возникли в качестве обыкновенной желтой рабочей партии, затем стали отчаянными, почти национал-революционными, врагами Австрии: их антимилитаристская пропаганда и агитация в войсках далеко превосходила трусливую и подлую позицию социал-демократов в военном вопросе. В 1911 году они заключили избирательный союз с младочехами и убавили свое национал-радикальное антиавстрийское неистовство.

Чешские социал-демократы порвали со своими немецкими товарищами — «венской опекой» чтобы быть в союзе со «своей» буржуазией, и выступили за необходимость сохранения существующего строя Австрии, с той неуклюжей откровенностью, которой всегда умел избегать лукавый реформист Виктор Адлер. На своем последнем партийном съезде перед войной эта партия откровенно высказалась за Австрию, и теперешний лидер чешской социал-демократии Мейснер произнес речь против организации южнославянского государства на том основании, что австрийско-южно-славянские владения (и не только Триест, а и Фиуме, и Далмация)

имеют исключительное значение для чешской хозяйственной жизни.

Такова была политическая действительность в чешском лагере. Она отвечала не только интересам чешской буржуазии, потребности покоя чешской мелкой буржуазии и карьеризму большей части возрастающей и преуспевающей армии чешских чиновников. Она отвечала также иллюзиям более обеспеченной части чешского промышленного пролетариата; ибо последняя, погрязнув в реформистском болоте, склонна была видеть в большой хозяйственной области Дунайской монархии — базу, а в оздоровлении этого государства при помощи «демократии», избирательного права и социальной политики — гарантию для под'ема в высшие сферы немецкой и в особенности английской рабочей аристократии, всегда представлявшей идеал для реформистов.

Демагогия лукавых авгуров и простоватых партийных мещан исходила радикальными фразами; но то, что должно было действовать как внушение, становилось самовнушением для большинства полупролетарских мещан и мелкобуржуазных рабочих и служащих, составлявших ядро партии: разговорами, спорами и речами они доводили себя до радикализма, который прежде всего неизменно повышал потребление пива в пивных, где партия устраивала свои предвыборные агитационные пункты и где происходили предвыборные собрания. Такое положение дел было благоприятно для какой-нибудь проделки Гашека.

В то время, как описывают Лангер и Махт, штабквартирой Гашека и его ближайших приятелей была гостиница «Звезина» в Вейнберге. Хозяину приходилось туго, так как посетителей было мало. Приятели решили ему помочь. Некоторые кабачки по соседству сделались центром предвыборной агитации различных партий, и хозяева здорово наживались при этом. Одному из приятелей явилась мысль (она не принадлежала Гашеку) сделать и эту гостиницу местом предвыборной агитации и организовать для этого партию. Эта идея встретила восторженный прием. Чтобы дать партии привлекательное название, нужно было услышать «голос народа». Позвали пьяного извозчика, чтобы узнать его политические взгляды. Думая, что его спрашивают о степени опьянения, он ответил, что он уже изрядно прогрессировал, но добавил, что обычно он очень умерен. Название было найдено: «Умеренный прогресс». «Рамки закона» прибавились сами собой. Итак, «партия» основалась. Гашек, конечно, стал ее лидером. Немедленно была организована оппозиция, ибо ни одна партия не может обойтись без оппозиции. Программу должен был выработать Гашек и сообщить ее только на выборном собрании, так как иначе противники могли бы что-нибудь пронюхать; ведь и в этой партии, как и во всякой, конечно, могли быть предатели. Предложение немедленно разбиться на фракции Гашек отвел замечанием, выдающим опытного политика: «Для этого у нас еще хватит времени, когда мы консолидируемся». Долго дебатировался вопрос о кандидатуре в рейхстаг, ибо каждый хотел быть депутатом. Гашек классически прекратил спор, пока еще ни к чему не приведший, — он поднялся и торжественно возгласил:

«Благодарю всех за единодушно выраженное мне доверие и принимаю предложенную мне кандидатуру».

Всеобщее изумление пресекло какое-либо возражение; да и кроме того, Гашек, как председатель, и не дал для него времени.

В конце концов Гашек был самым популярным из них.

Лангер и Махт следующим эпизодом иллюстрируют его популярность. Когда кого-нибудь колотили, а Гашек проходил поблизости, ему достаточно было сказать, что избиваемый его, Гашека, сторонник, и жертву немедленно выпускали.

Из всех других проделок, организованных Гашеком — лидером партии, его импровизации на собраниях являются самыми выдающимися по юмору и политической сатире. Мы приведем здесь только речь Гашека об умеренном прогрессе, потому что это образец его юмора. Лангер и Махт передают ее следующим образом:

«Будущее несомненно принадлежит прогрессу. Но какому прогрессу? Прогресс — обоюдоострый меч, как пиво: люди начинают пить и не знают, когда им перестать. Оглянемся вокруг: прогресс, который пропагандируют свободомыслящие, приводит людей в тюрьмы и к денежным штрафам, вызванным разными необдуманными выражениями; напротив, подлинно прогрессивный и чуждый предрассудкам человек может спокойно и свободно осуществлять свое развитие в церквах всех вероисповеданий. Над нами бдят настоящие законы и органы охраны, без защиты которых ни один волос не спадет с нашей головы, — и в этом заключается прогресс. Обратим взор куда-нибудь в другое место, например, в Китай, где органы охраны отрубают людям головы. И мы должны будем признать, что у нас царит прогресс. Потому и надо быть осторожными с прогрессом. Прогрессивная партия, конечно, о да, но только опытный человек знает, как далеко может зайти прогресс. Вот, например, вдова в Южной Богемии купила по совету, который она вычитала в одной прогрессивной газете, йоркширскую свинью. И что же произошло? Свинья принесла ей пять поросят, тогда как богемские свиньи поросются шестнадцатью штуками зараз. Для того, чтобы с нами, милые друзья, не произошло того же...» и т. д.

Гашек действительно был кандидатом в выборном округе Вейнберг и получил 28 голосов, а по другим данным — даже 45. Но число тех, кого веселило его дурачество, достигало нескольких сот. Юмор Гашека освещает тогдашнюю политическую лавочку лучше, чем большинство тогдашних речей, статей и т. п. Какая острая политическая сатира заключена в первом пункте формулированной Гашеком программы его «партии»: «Больше строгости к бедным!» Вся сущность австрийской политики национального угнетения Гашек вскрывает своим предложением об улучшении материального положения: так как Австрия является самым большим цирком в мире, то он хочет предло- жить в парламенте окружить все государство стеною и взимать плату за вход.

В этой программе Гашек оседлал и своего антиклерикального конька. В то время в Праге

существовала «Ссудная касса св. Вячеслава», учреждение, основанное папами. Вследствие громадных хищений касса прогорела, и Гашек требовал поэтому преобразования всех денежных учреждений в поповские банки и запрещения мирянам производить растраты.

В томике рассказов находится написанный Гашеком после войны протокол 2-го съезда «партии умеренного прогресса». Гашек относит его к послевоенному времени, хотя его, вероятно, никогда не было. Старый борец против клерикализма раздражается там следующей тирадой против союза чешской буржуазной республики с папой:

«Получено приветственное послание папского нунция, который в своем сердечном обращении отмечает преследование нунциев во времена гусситов и теплый прием папских послов в чехо-словацкой республике,—это знак прогресса».

Боучек рассказывает, что после войны Гашек действительно устроил собрание своей партии и там объявил, что она распускается. Он мотивировал это тем, что чешская социал-демократия целиком приняла программу партии «умеренного прогресса» и в желательной осторожной форме вступает за постепенное, необременительное для церкви, властей и богатых людей урегулирование экономических отношений.

Подлинная богема!

По своему характеру, по образу жизни Гашек — представитель богемы. Но не богемы литературных кафе. Он был подлинным бродягой, завсегдаем маленьких кабачков, где пролетарии встречаются с деклассированными элементами и lumpen-пролетариатом. Однажды Лонген, такой же бродяга, остался без гроша в кармане и не знал, где ему переночевать. Он встретил Гашека, находившегося в таком же положении. Лонген весьма правдоподобно передает рассуждения Гашека по этому поводу:

«Свинство, а не жизнь... И я без пристанища и не спал уже четыре ночи... И ни одного дурака не могу найти, который бы мне ссудил два-три гульдена, чтобы выпасться в гостинице... Да, за выпивку они платят, прохвосты, чтоб я их развлекал... Но когда я на следующий день встречаю знакомого и прошу у него гульден на гостиницу, потому что я хочу выпасться, только выпасться,—он хочет мне в лицо и дает два зексера—этого, мол, хватит на пиво и водку!.. Люди—бесстыдные скоты... А приятели? Плевать на них! Как только ты день-другой без гроша, они норовят от тебя в сторону. Каждый хочет только поучать, философствовать, выкладывать свою дурацкую премудрость о том, как надо жить и работать... Эти ребята выдают себя за богему, но у них это только маскаррад... Каждый думает о том, чтобы застать в теплое гнездышко. И тогда они воруют нос от старого товарища. Так не поступил бы ни один рабочий, ни один бедняк».

Затем у Лонгена следует эпизод, ярко обрисовывающий характер Гашека:

«Несколько недель тому назад я жил несколько дней у одного фабричного работника. Тогда у меня тоже не было ни гроша. Он каждый день говорил мне: «Ярда, оста-

вайся у нас, сколько кочешь. Пиши, и, когда заработаешь, ты мне что-нибудь дашь, потому что ты вечно ворчишь, что стоишь мне денег». Тут мне в первый раз в жизни стало стыдно за самого себя. Стыдно перед этим рабочим, что я такая свинья и пропиваю все до последнего гроша, и потом вырываю кусок из рта у этого бедняги, который надывается над работой. И я удрал от него. При этом можешь мне поверить, что я бы не постеснялся промотать все состояние этого чучела, которое шляется тут, впереди нас, да еще дал бы ему по морде».

У Гашека была дерзость и отвага мятежного бродяги. Он дразнил не только безобидных и беззащитных маленьких мещан,—он порою доводил и буржуазию до белого каления.

Но и в самом мелком буржуа, Гашеке, было много от филистера, от мещанина, над которым он издевался, у которого при случае вытягивал деньги и которого заставлял оплачивать трактирные счета. Прежде всего страсть к ежедневной кружке пива и кварте вина, между которыми проходили порции черного кофе с ромом.

Когда Гашек был страховым агентом, он уже любил ходить по кабачкам. Он заговаривал там с незнакомыми людьми, прислушивался к их рассказам, их разговорам и интересовался их судьбой.

Часто случалось, что он появлялся у кого-нибудь из своих друзей в совершенно опустившемся виде; тогда его всегда, правда ненадолго, вновь «ставили на ноги». Находились и такие друзья, которые вбили себе в голову сделать из него «порядочного человека». Гашек при случае терпеливо сносил этот «курс лечения», вел себя образцово и был послушен как ребенок. Но эти попытки «спасения» каждый раз кончались тем, что Гашек разыгрывал какую-нибудь штуку над своим воспитателем и мучителем.

Одному такому другу, который целые недели клялся, что Гашек у него окончательно исправился и капли в рот не берет, пришлось испытать следующее: когда Гашек от него удрал, он заметил, что «спасенный» вынул у него (тайком, по ночам) весь, довольно значительный запас вина.

Богемная жизнь Гашека, разумеется, отразилась и в его произведениях. Таковы — «Справедливость в Баварии», «Мой друг Ганушка» позднее — «Моя монмартская трагедия».

Само собой разумеется, что Гашек, так любивший алкоголь, высмеивал в различных сатирах движение в пользу трезвости.

Вино, женщины, пение

Вино влечет за собой песню. Гашек любил петь. Его не останавливало, что петь он совсем не умел. В очерке «Музыкальный талант» он изображает это с уморительной убедительностью. Он мурлыкал все песни на один лад. «Я пою четыреста восемьдесят песен, но все на один мотив»,—говаривал он.

Рассказы об отношении Гашека к любви и к женщинам еще своеобразнее рассказов об его пении. Зауер пишет о нем:

«Гашек ни в какой мере не был эротичен. Его юмор не затрагивает вопросов любви и пола. Мы никогда в жизни не слышали от него двусмысленной шутки или двусмыслен-